

Независимая газета. 1998. - 4 июня. - с. 14

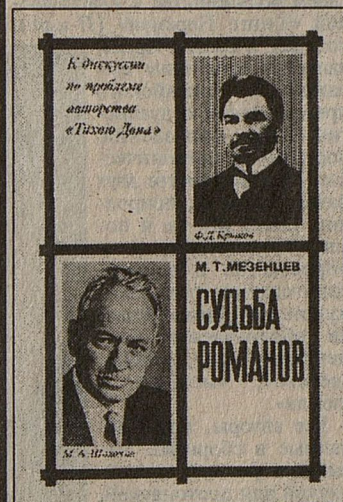
ТЕСТЬ ШОЛОХОВА И СУНДУЧОК КРЮКОВА

Дискуссия вокруг авторства «Тихого Дона» заходит в тупик

Олег Мраморнов

Марат Мезенцев. Судьба романов. Молодой Шолохов. — Самара: Р.С. пресс, 1998, 120 с.

И БЕЗ ТОГО обширная литература по поводу авторства «Тихого Дона» пополнилась еще одним сочинением. Покойный автор, доцент кафедры журналистики Ростовского университета в молодые годы несколько лет был редактором вешенской газеты «Советский Дон». Часто пи-

сал о Шолохове по необходимости, но, по всему видно, Шолохов его чем-то раздражал, и он в конце концов решился на критический труд, девизом к которому могут быть поставлены его собственные слова: «Правда выше Шолоховых».

Ставшая основой книги рукопись Мезенцева сыровата, местами провисает, концы не везде стыкуются. Наиболее цельное впечатление производит заключительная глава «Молодой Шолохов». Любопытны здесь подробности, связанные с работой Шолохова станичным налоговым инспектором, уточнен год его рождения (1904, а не 1905 — года уменьшил отец писателя, чтобы избавить сына от уголовной ответственности за проступок по службе).

Как уже повелось в такого рода сочинениях, автор уделяет немало внимания личности и творчеству донского литератора Федора Крюкова, чье наследие он, вслед за литературоведом Д* (под таким псевдонимом УМКА-PRESS напечатала впервые «Стремя «Тихого Дона» Натальи Томашевской), Александром Солженицыным, Роем Медведевым и другими, писавшими и пишущими на эту тему, числит среди источников последующего текста «Тихого Дона». Компьютерные исследования скандинава Хетсо, на 90% исключившие вероятность причастия пера Крюкова к знаменитому роману, Мезенцева не убеждают, но раздражают, и он с тем большим упорством занимается текстологическими «совпадениями» и реминисценциями.

О «совпадениях» говорить не приходится, ибо их на самом деле нет, реминисценции же маловыразительны, а в некоторых случаях курьезны, как, например, следующие:

«...в романе идет характеристика Лизы Моховой: «Очень уж убогий у нее умственный позиток, в остальном она любого научит... Отец Лизы думает о ней: «Пустая... недалекая девка»».

21 февраля 1903 года Крюков записывает в дневнике о своей знакомой: «Она кажется недалеккой, но по-своему хитра, физически красива».

Дальнейшая характеристика Лизы в романе: «С каждым годом она становится нетерпимей. С нею вчера был нервный припадок...»

Характеристика еще одной женщины в дневнике Крюкова: «...нервный румянец на щеках... Она довольно умна... но хитрость ее прозрачна и нервна...»

О Лизе Моховой в романе: «...Она дьявольски хороша. Она гордится совершенством форм своего тела...»

Запись в дневнике Крюкова о своих женщинах: «... Она высока, тонка, очень красива, даже картинно красива... Она сознает свою силу».

Если такие характеристики женщин, как «недалекая», «нервная», «красивая», «гордящаяся совершенством своего тела», «сознающая свою силу», по мнению Мезенцева, способны идентифицировать стиль того или иного писателя, такого писателя, считай, нет, а есть общее место.

Крюков и Шолохов писали на одном материале, наблюдали похожую жизнь, слушали одну и ту же народную речь. Неудивительно поэтому совпадения лексических и синтаксических конструкций, которые также ровным счетом ничего не доказывают. «Пусти, а то зашумлю», — такими словами отзывают назойливых ухажеров как у Крюкова, так и у Шолохова, — это речевое клише, а не заимствование.

До смешного доходит, когда Мезенцев «углубляет» мнимые заимствования в «Тихом Доне» и находит что-то похожее в описании степи у Сергея Аксакова. Аксинью Астахову «выводит» из Анны Карениной на том основании, что обе, будучи в подавленно-раздраженных состояниях, открывают для себя хрючавые уши мужчин. С Аксаковым и со Львом Толстым дело, кажется, в том, что, обращая внимание на эти якобы реминисценции, Мезенцев хочет сказать, что

текст тем более не шолоховский, ибо Шолохов ни Аксакова, ни Толстого ко времени написания романа не читал. Хорош же был тот неведомый гений, который дал исходный текст — переписывал у Толстого...

Ладно, Аксакова и Толстого Шолохов не читал, а Крюкова читал? Сам Шолохов отказывался, говорил, что не читал и ничего о таком писателе не слышал. Скорее всего, лгал. Здесь можно согласиться с Мезенцевым. Но ведь помимо причины, которую обычно в таких случаях выдвигают — мол, отрешивался, так как списал у Крюкова, есть и другое объяснение лжи — боязнь назвать имя белоказачьего писателя потому, что сам был подозреваем в скрытых симпатиях к повстанческому движению на Дону. Вполне могло быть так. Тем более в 30–50-е годы. Дальше отрешивался по привычке.

Что же Шолохов мог списать у Крюкова, бытописателя уже минувшей к тому времени эпохи «Тихого Дона»? Теоретически мог по канве Крюкова написать первую книгу эпопеи, там дан дореволюционный быт донских казаков (однако достаточно ясно, что и первая книга выдержана в другой, нежели у Крюкова, стилистике). Со страшно большой натяжкой Крюков мог дать Шолохову кое-какой материал для второй книги. Но и это практически невероятно: Крюков описал войну (см., например, рассказ «Сестра ольшвангер») и революцию совершенно иначе и был настолько захвачен водоворотом революционных событий на Дону, что едва успевал писать свою очеркистику на сугубо местном материале. К Верхнедонскому восстанию он никакого отношения не имел, и, следовательно, третья книга «Тихого Дона» (на мой взгляд, самая сильная) у Крюкова не могла родиться даже вчерне. Не будем забывать, что Крюков во время гражданской войны был лишен возможности кабинетной работы, едва успевал справляться с общественными поручениями, редактировал «Донские ведомости», много времени проводил на театре боевых действий и участвовал в них. Его болезнь и смерть на Кубани в феврале 20-го года естественным образом не могла сделать его летописцем последних месяцев отступления Донской армии, чему в «Тихом Доне» уделено немало выразительных страниц.

Прежде мусолили вопрос о пресловутом сундучке Крюкова, в котором он хранил свои рукописи и который после его смерти исчез таким образом, что Петр Громославский будущий тесть Шолохова, присутствуя при последних днях жизни Федора Дмитриевича, якобы приватизировал сундучок, а потом дал попользоваться зятю (ну и помог реализовать содержимое, потому как сам баловался литературой). Мезенцев дает иную фабулу с сундучком.

Один казак вез сундучок, а заодно и переметные сумы хромовой кожи после смерти Крюкова его сестре Марии Дмитриевне в Глазунскую. По пути остановился в Букановской станице у Петра Громославского (тот здесь прежде атаман и был пономарем). Оставил свою поклажу до времени у Громославского, а сам отъехал восвояси. Потом за поклажей приехали, но жадный Громославский сундучок со всем содержимым отдал, а вот хромовые сумы подменил сыромятными. Не только сундучок, но и сумы оказались битком набиты рукописями. Лежали у Громославского те самые сумы на чердаке, пока не появился ищущий литературного поприща зять Михаил. «Работали в четыре руки», потом подключили Марию Громославскую-Шолохову, ставшую донской Софьей Андреевной. «Успехи семейного подряда намного превосходили ожидания». А еще говорили по хуторам и станицам, что Шолохов человека на цепи в подвале держит и тот ему пишет книги. Никакой цепи, никакого подвала — простой семейный подряд...

Сундучок же, претерпевая всякоразличные мытарства, оказался в конце концов у жившего в Ростове племянника Крюкова, Дмитрия Александровича, который его берег-берег, а потом возьми да и продай в 1974 году за пятьсот рублей в обком или в облисполком, где содержимым сундучка поинтересовался секретарь обкома партии Тесле. Кто потом видел этот сундучок? По заверениям Мезенцева, только шолоховед Прийма. Что в том сундучке? Только Тесле и Прийма знают. Где теперь сундучок? Ищи-свищи...

Ничего нам нового не показали. Не показали протограф — тот исходный текст, который якобы послужил основой романа, ибо, как считают скептики, по молодости лет, по неопытности и по причине недостаточной образованности Шолохов даже с помощью атамана-пономаря тестя ничего такого сотворить бы не смог. Пусть даже и был протограф, была канва, но и вышивание по канве может стать искусством. Загадочным, неизвестно откуда взявшимся у молодого налогового инспектора с Верхнего Дона искусством.

Что ни говорите, а в России читали и продолжают читать «Тихий Дон» — Михаила Шолохова.